

Улочку, где у каждой двери зазывно улыбались раскрашенные девицы, звали Переулком абрикосовых цветов. Ли Мэн смутно помнил эти места: когда он был еще совсем ребенком, его старший брат уже вовсю разменял третий десяток. В ту пору его отец, Ли Лин, занимал пост префекта Жуйчжоу. Вот почему при встрече с Цай Жуном в поместье маркиза Цзиньяна Ли Мэну показалось, будто это лицо он где-то уже видел.

Генерал Цай Жун тогда повел войска на уничтожение врага, но потерпел сокрушительное поражение под стенами города. Префект Ли Лин поклялся стоять насмерть и наотрез отказался открыть ворота отступающим. Из-за этого взбешенный генерал велел притащить гробы двенадцати своих павших командиров прямо к дверям управы, устроив страшное представление на глазах у всех жителей Жуйчжоу. Ли Мэн был совсем мал, но отчетливо помнил те несколько дней, когда им с личным слугой приходилось шнырять через заднюю калитку, словно пугливым черепахам. Проходя мимо парадных ворот собственного дома, они вынуждены были притворяться, будто идут совсем в другую сторону. Издалека Ли Мэн успел разглядеть грозного, плечистого генерала: тот сидел в тяжелых доспехах прямо на огромном, покрытом черным лаком гробу, а его голова была повязана белой траурной лентой.

Позже поминальные шатры разбили прямо у стен управы. И лишь когда держать тела на жаре стало невозможно, гробы наконец увезли.

Едва завидев Чжао Лои, сводня понимающе сощурилась — судя по всему, она его узнала.

Чжао Лои молча протянул руку. Ли Мэн спохватился, вспомнив, что кошель остался у него, и с явной неохотой вложил его в ладонь наставника.

Мужчина небрежно выудил тонкими пальцами серебряную ассигнацию. Напомаженное лицо хозяйки расплылось в приторной улыбке, и она тут же распорядилась подготовить для гостей лучшие покои.

Комната находилась на заднем дворе. В заведении как раз начинался самый разгул: повсюду гремел хмельной хохот, в дверях шатались пьяные в стельку гости, а воздух был пропитан дешевыми благовониями и пролитым вином.

— Прощу за мной, господа, — зашебетала сводня, распахивая перед ними двери. Следом за ней слуга привел девиц.

Все шло по заведенному порядку: одну усадили играть на пипе, вторая затинула нежную песню, а третья принялась разливать вино.

Ли Мэну подобные заведения были не в диковинку, поэтому он держался довольно непринужденно. Заметив, как Цюй Линьхань ерзает на месте от смущения, юноша наполнил кубок и шутливо салютовал спутникам:

— Ну, раз уж пришли в такое место, грех не выпить! Не знаю, каково здешнее вино, так что

сниму пробу первым. Наставник, старший брат, не стесняйтесь!

Чжао Лои даже не взглянул на него. Он сидел безупречно прямо, не притрагиваясь к чарке.

Цюй Линьхань, напротив, отказаться не решился. Пить он умел и не боялся, однако, сделав глоток, удивленно причмокнул: вино оказалось приторно-сладким, со стойким ароматом цветов и каких-то пряностей — совсем не похожим на то простое домашнее вино, к которому он привык.

Звонко рассыпалась дробь пипы. Поющие девицы оказались на редкость понятливыми: они переглядывались между собой, но к гостям не приставали — видимо, получили строгие указания от хозяйки. Та, что сидела рядом, лишь безмолвно наполняла пустеющие чарки, не навязывая лишних разговоров.

Посидев немного, Чжао Лои поднялся, обронив, что ему нужно отлучиться.

Ли Мэн небрежно махнул рукой:

— Давай, поскорее возвращайся.

Чжао Лои это показалось странным — парень вел себя так, словно спал и видел, как бы выпроводить его поскорее. Мужчина замер, а затем снова опустился на циновку и выразительно постучал пальцем по своей щеке. Ли Мэн тихо фыркнул, подался вперед и звонко поцеловал его.

Когда Чжао Лои ушел, Ли Мэн остался сидеть за столом со слегка порозовевшими щеками, безмятежно свесив одну ногу со своего ложа. Он повернулся к Цюй Линьханю. Тот слушал певиц с таким сосредоточенным лицом, будто изучал древние трактаты.

— Старший брат, ты здесь впервые, верно?

Цюй Линьхань вздрогнул, выныривая из своих мыслей, и смущенно потер кончик носа:

— В нашей деревне Даяо таких заведений сроду не водилось.

Девушка в полупрозрачном розовом шелке снова наполнила его кубок и изящным, гибким жестом преподнесла его Цюй Линьханю, безмолвно призывая осушить его до дна.

Тот не стал ломаться и послушно опрокинул чарку в рот.

В этот момент Ли Мэн поднялся со своего места.

— Мэн-эр, ты куда? — тут же заволновался Цюй Линьхань. Он выпрямился и испуганно уставился на него, словно боясь, что младший бросит его одного.

Ли Мэн заговорщически подмигнул ему:

— Я сейчас, одна нога здесь, другая там.

Но Цюй Линьхань мертвой хваткой вцепился в подол его халата:

— Возьми меня с собой!

— Да я... — Ли Мэн замялся. Ему выпал редчайший шанс! Чжао Лои ушел по делам, и грех было не воспользоваться такой возможностью. Ему не терпелось разыскать местного юношу-актера, чтобы... ну, не то чтобы попробовать, скорее расспросить знающего человека из чистого любопытства. Но старший брат пристал как банный лист. Насильно вырваться не хотелось, и Ли Мэн нехотя выдал: — Я просто загляну в соседнюю комнату.

— Зачем тебе туда? — подозрительно прищурился Цюй Линьхань.

Косясь на девиц, Ли Мэн торопливо разжал пальцы названного брата:

— Нужно уладить одно дельце! — А заметив, что тот все еще сомневается, зашептал: — Секретное поручение. Я мигом. Посиди пока, послушай музыку, выпей. Жди меня здесь.

Поймав умоляющий взгляд Ли Мэна, девица в розовом шелке поняливо придвинулась ближе. Она прильнула податливым бедром к плечу Цюй Линьхана и принялась что-то нежно ворковать ему на ухо. Воспользовавшись тем, что старший брат окончательно растерялся и опешил от такого напора, Ли Мэн выскользнул за дверь.

Во дворе сновали люди, да и в соседних комнатах вовсю шумели. Ли Мэн разочарованно вздохнул и отправился на поиски хозяйки.

Он быстро отыскал её в главном зале. Заметив гостя, сводня расплылась в профессиональной улыбке:

— О, неужели девицы не сумели угодить молодому господину? Чего изволите?

Ли Мэн вытащил горсть серебряной крошки. Женщина алчно взглянула на деньги, но юноша ловко убрал руку.

— Найди-ка мне двух мальчиков для утех. Повеселее, поразговорчивее, и чтобы умели держать

язык за зубами, — вполголоса скомандовал он, испуганно озираясь по сторонам в страхе наткнуться на Чжао Лои.

Заметив легкое замешательство на лице сводни, Ли Мэн выудил из кошелька увесистый серебряный слиток. Внутри у него заскребли кошки: все-таки это были деньги, добытые тяжким трудом наставника. Он даже почувствовал легкий укол совести и пообещал себе, что как только начнет сам выполнять задания башни, обязательно скопит целое состояние и завалит учителя золотом.

Вид полновесного серебра мгновенно развеял все сомнения сводни.

— Молодой господин, извольте немного обождать, — сладко запела она. — Эй, кто-нибудь! Проводите гостя в соседний двор, в Павильон изящной лазури, да подайте лучших свежих фруктов! А вы, господин, присаживайтесь, я мигом все устрою.

Напоследок она одарила его столь многозначительным и лукавым взглядом, что Ли Мэн растерянно почесал затылок.

Оказалось, юноши-актеры и девицы жили в разных дворах. Ли Мэн и не подозревал, что застенки этого веселого заведения столь огромны. К счастью, слуга уверенно вел его вперед, иначе парень всерьез забеспокоился бы, сумеет ли потом отыскать дорогу назад.

В комнате витал тонкий, ненавязчивый аромат благовоний, разительно отличавшийся от того удушливого амбре, что царило у девиц. Ли Мэн принялся, приподнял узорчатую крышку курильницы и сделал глубокий вдох. Там, у девочек, запах был приторным, липким, от него мгновенно хмелела голова. Здесь же пахло свежестью и прохладой, с отчетливыми нотками сосновой хвои.

Обладая от природы чутким обонянием, Ли Мэн устроился за низким столиком, чинно скрестив ноги, и прикрыл глаза, делая вид, что погружен в созерцание.

На самом деле в его душе бушевал настоящий ураган. Он нервно теребил пальцами ткань халата. Перед мысленным взором то и дело всплывала та тайная книжица, которую прятал Чжао Лои, а еще — воспоминание о той ночи, когда холодная вода стекала по упругому, сильному телу наставника. Иногда они спали под одним одеялом, соприкасаясь обнаженной кожей, и Ли Мэн прекрасно помнил, какие волнующие, сладостные искры пробегали тогда по телу. Но, как гласит мудрость: «Знай врага своего и знай себя, и в ста битвах не потерпишь поражения». Если уж учитель так усердно осваивает новые рубежи, то и ему, ученику, негоже отставать. Неистребимая мужская тяга к познанию тайн плоти бурлила в нем, и даже нежный пятнадцатилетний возраст не мог утихомирить это любопытство.

Внезапно Ли Мэн распахнул глаза. Шаря от нечего делать под столешницей, он наткнулся пальцами на что-то твердое. Юноша вытащил находку на свет и едва не вскрикнул: он мгновенно покраснел.словно обжегшись о раскаленные угли, он поспешно отбросил назад эту... до неприличия искусно вырезанную вещицу. Стук, с которым нефритовое изделие

покатилось по полу, заставил его едва ли не подпрыгнуть на месте от стыда. Ему безумно захотелось бежать без оглядки.

Но, с другой стороны, раз уж он решился на это приключение, неизвестно, когда еще представится подобный случай. Да и серебро уже уплачено — глупо уходить несолоно хлебавши, так ничего и не разузнав у знающих людей.

Ли Мэн заставил себя успокоиться и продолжил чинно ждать. Он уже начал клевать носом, когда в дверь негромко постучали дважды.

Парень встrepенулcя и придал лицу как можно более невозмутимый вид:

— Войдите.

Слуга, впустивший гостей, расплылся в заискивающей улыбке, но, едва отвернувшись от Ли Мэна, тут же злобно зыркнул на юношей и зашипел:

— Живее заходите! И чтобы обслужили гостя по высшему разряду...

Дальше он понизил голос до шепота, но Ли Мэн, обладавший зачатками внутренней энергии, прекрасно расслышал его слова и чуть было не передумал.

За дверью проворчали:

— Если и в этот раз разобьете клиенту голову, господин Бай с вас живьем шкуру спустит!

После этого нещадного напутствия обоих парней грубо втокнули внутрь, и дверь с глухим стуком захлопнулась.

Ли Мэн, чьи щеки все еще горели румянцем, слегка ослабил ворот халата, обнажив тонкие ключицы и изящную юношескую шею. За последнее время он заметно вытянулся, иначе в своей хрупкости выглядел бы куда больше похожим на здешнего послушника, чем те двое, за которых он заплатил.

— Присаживайтесь, — солидно проговорил он, стараясь придать голосу веса.

Вошедшие юноши заметно различались. Одному на вид было лет за двадцать — во всяком случае, он выглядел старше Ли Мэна, а его манеры казались более сдержанными и зрелыми. Сделав пару шагов, он мягко взял за руку своего спутника, шедшего следом.

Второй же был невероятно, вызывающе красив.

Ли Мэну еще никогда не доводилось видеть столь привлекательных мужчин. Он невольно засмотрелся: этот юноша, застывший на грани между отрочеством и зрелостью, обладал той редкой, неуловимой прелестью, в которой стирались границы пола. Впрочем, этот красавец даже не удостоил Ли Мэна взглядом, надменно глядя куда-то в сторону.

— Как вас зовут? — поинтересовался Ли Мэн. Он даже не прикоснулся к чарке с вином, которую перед ним поставил старший. Юноша понимал, что хмелеть сейчас нельзя: не хватало еще потерять голову и оказаться под кем-то из них. Он пришел сюда за знаниями, а не за сомнительными приключениями на свою голову.

— Ничтожный... — начал было старший.

— Стоп, — перебил его Ли Мэн, резко подаваясь вперед. Его широкий рукав задел чашу, расплескав немного вина на столешницу, но парень даже не обратил внимания на мокрое пятно. Он пристально взгляделся в лица гостей и озадаченно пробормотал себе под нос: — Да вроде обычные люди, ничего сверхъестественного... — После чего выпрямился и уже серьезно добавил: — Не нужно этих церемонных обращений, у меня от них уши вянут. Обращайтесь ко мне проще. Так как ваши имена?

Старший оказался на редкость покладистым. В его негромком голосе сквозила мягкая, привычная покорность:

— В этих стенах у нас нет настоящих имен, господин. Лишь прозвища, которые дают мимоходом. Вам незачем утруждать память.

— Подумаешь, велика важность — запомнить пару имен! — возразил он. — Если вы не назоветесь, мне будет неудобно с вами разговаривать.

Мужчина осторожно приподнял промокший рукав Ли Мэна. Юноша только сейчас заметил, что пролил вино. Спутник аккуратно промокнул лужицу, поправил чарку и легко, ободряюще коснулся ладони гостя. Ли Мэн почувствовал, как по коже пробежал странный холодок. Смутившись, он торопливо отдернул руку и неловко почесал затылок:

— Ладно тебе, говори уже. Я запомню.

— Меня зовут Кунью. А его — Сяо Юй.

Услышав свое имя, юноша, который до этого явно витал в облаках, демонстративно отвернулся и презрительно фыркнул.

Ли Мэн хлопнул себя ладонью по груди:

— А я Ли Мэн. Тот Мэн, который «мэнцзай гули» — пребывающий в неведении. А «Кунью» как

пишется? Это ведь в честь легендарного меча?

Мужчина опустил взгляд, о чем-то раздумывая, и грустно улыбнулся:

— Да, в честь меча. По правде говоря, я даже не знаю, какими иероглифами оно записывается. Это имя мне дал один благородный гость, и я решил оставить его себе...

— Что ж, видать, тот гость был человеком ученым, — одобрил Ли Мэн. Сяо Юй тем временем молча наполнил его чарку. На этот раз он не стал отказываться и осушил ее, лихорадочно соображая, как бы потактичнее попросить этих двоих наглядно показать ему... ну, то самое дело между мужчинами.

Прежде чем он успел подобрать слова, Кунью мягко поднялся и присел рядом с ним на ложе. Его ладонь невесомо опустилась на плечо Ли Мэна. Мужчина двигался так вяло и расслабленно, что Ли Мэн, поддавшись мгновенному боевому рефлексу, перехватил его запястье и заломил ему руку за спину.

Кунью смертельно побледнел от резкой боли.

Сяо Юй мгновенно взвился на месте:

— А ну отпусти его!

Ли Мэн испуганно разжал пальцы и замахал руками, порываясь сам растереть пострадавшее запястье. Кунью вздрогнул, попытался отстраниться, но затем с обреченным видом протянул руку обратно.

— Брат Кунью, ты как?! — Сяо Юй бесцеремонно оттолкнул Ли Мэна в сторону и принялся бережно, со слезами на глазах, массировать руку товарища.

— Прости, ради всего святого, я не нарочно! Сильно болит? — виновато лепетал Ли Мэн, сиротливо примостившись на краю циновки.

Кунью моргнул, и на его бледных щеках легла густая тень:

— Все в порядке, не болит. Сяо Юй, отпусти меня.

Но прекрасный юноша так раскраснелся от злости, что казалось, еще секунда — и он бросится в драку. Ли Мэн отчетливо понимал: не держит Кунью своего яростного защитника за рукав, ему несдобровать. И пусть Сяо Юй явно не владел боевыми искусствами, от яростных тумачков это бы его не уберегло.

Мало того что деликатный разговор не клеился, так он еще и умудрился покалечить человека. Смущение Ли Мэна достигло апогея. Испепеляющий взгляд сверстника жег кожу сильнее каленого железа. Пылкость исследователя мигом улетучилась, и юноша уже всерьез подумывал сбежать.

— Господин, если вам не трудно, погасите светильник на столе, — тихо попросил его Кунью.

— А, хорошо... — растерянно отозвался Ли Мэн.

Покои погрузились в полумрак — слабый отсвет проникал лишь из глубины опочивальни. Ли Мэн уже сделал шаг к выходу, но тут Кунью неторопливо потянул за шелковый пояс своего халата. Сяо Юй, хоть и кривился от отвращения, последовал его примеру и тоже принялся молча разоблачаться.

Шорох соскальзывающих одежд был едва слышным, но в ушах Ли Мэна он отозвался грохотом весеннего грома.

Здесь, в этом заведении, одежды сбрасывались одним легким движением. Не прошло и полуминуты, как оба юноши остались абсолютно нагими.

Сяо Юй смерил Ли Мэна презрительным, колючим взглядом:

— Ну? Чего застыл? Раздевайся.

Ли Мэн опешил и ткнул себя пальцем в грудь:

— Мне тоже надо?!

— А как ты собрался делом заниматься в одежде? — язвительно бросил Сяо Юй, шагнув к нему. — Сюда приходят не для того, чтобы на сухие халаты любоваться.

Его кожа в полумраке казалась неестественно белой и нежной. Ли Мэн невольно оглядел его с ног до головы: совсем ведь мальчишка, тонкокостный, хрупкий, а талия такая узкая, что у девиц и то шире бывает.

Ли Мэн потрянул головой, отгоняя наваждение, и судорожно запахнул ворот:

— Нет-нет, я не буду раздеваться. И вообще, я не ради... этого самого пришел.

— Тогда... чего же желает молодой господин? — растерянно спросил Кунью. Он уже успел вынуть шпильку из прически, и его длинные волосы мягкой волной рассыпались по плечам.

Глядя на этих двоих — обычных мужчин, пусть и смазливых, — Ли Мэн не ощущал в душе ни малейшего трепета. С Чжао Лои все было иначе: ему нравилось прижиматься к наставнику, нравилось, когда тот обнимал его. Но сейчас, глядя на чужих парней, он не испытывал ни малейшего желания даже прикоснуться к ним, а уж представить, каково это — сжимать в объятиях эту девичью талию... Ему сделалось не по себе.

— Да ничего я не хочу! — замахал он руками. — Просто стало любопытно.

Сяо Юй ошеломленно замер, а затем его лицо исказилось от гнева:

— Любопытно?! Ты что... хочешь просто посмотреть на нас?!

По выражению его лица Ли Мэн мгновенно понял, что в глазах юноши он окончательно превратился в изощренного извращенца.

В глубине души Ли Мэн вынужден был признать: сидеть в сторонке и пялиться на чужие ласки — затея и впрямь довольно мерзкая. Он неловко кашлянул и постарался увести взгляд от двух обнаженных тел. Да и на что там смотреть? У них все то же самое, что и у него, ничего нового он там не разглядит. Одно радовало: как только он покинет этот павильон, они больше никогда не встретятся. Иначе со стыда можно было бы сгореть.

— Да не это я имел в виду! — взмолился Ли Мэн.

— А что тогда?! — Сяо Юй сердито прищурился. С его острым подбородком и глубоким разрезом глаз он сейчас походил на рассерженного лисенка, готового в любой момент вцепиться в руку.

Ли Мэн решился. Он перевел взгляд на Кунью, который уже успел прикрыться краем одеяла. Вид этих худых, бледных тел не вызывал у него ничего, кроме неловкости. Он даже на секунду усомнился: неужели те, кто любит мужчин, должны вздыхать именно по таким изнеженным созданиям?

— Я... я такой же, как вы! — выпалил Ли Мэн, чувствуя, как уши пылают от стыда. Заметив, что Сяо Юй удивленно округлил глаза, он торопливо затараторил: — Мне тоже нравятся мужчины! Но я... я совершенно не знаю, что нужно делать дальше!

Кунью на мгновение лишился дара речи, а затем молча накинул на плечи легкий халат.

Лицо Сяо Юя вытянулось, сменяя гамму чувств от глубокого шока до безграничного презрения.

— Сумасшедший! — фыркнул он, бросаясь к своим разбросанным одеждам. От злости у него дрожали руки, и он никак не мог совладать со сложными завязками пояса.

В комнате вновь затеплился свет свечи. Сяо Юй развернул Кунью спиной к себе и принялся ловко поправлять его волосы и помятый ворот, после чего они поменялись местами, и уже Кунью помогал товарищу привести себя в порядок.

Ли Мэн сидел в сторонке, в одиночку глуша вино. После седьмой или восьмой чарки его бросило в жар, и он еще сильнее распахнул воротник халата, подставляя разгоряченную кожу прохладному воздуху.

— И чего тут не понимать? — хмыкнул Сяо Юй, и в его глазах блеснула лукавая искорка. — Сразу видно, что ты не из тех, кто сверху. Стало быть, и трудиться тебе особо не придется — ложись себе да расслабляйся.

Кунью укоризненно взглянул на него, подливая Ли Мэну вина, но дерзкий подросток лишь беззаботно отмахнулся:

— А что я такого сказал? Чистая правда. Дела постельные — они такие, их на словах не объяснишь, все равно не поймет, пока сам не попробует.

Он капризно вздернул точеный подбородок. Несмотря на всю дерзость, Сяо Юй оставался настолько миловидным, что его колкости казались скорее забавными, нежели оскорбительными, придавая ему особое очарование.

Не обращая внимания на болтовню друга, Кунью мягко обратился к Ли Мэну:

— Вы ведь... уже делите ложе со своим избранником?

— Ну... да, — смущенно буркнул Ли Мэн. Хотя в таком месте глупо было скромничать. Ему действительно безумно хотелось сблизиться с наставником. Простых объятий и поцелуев уже не хватало, к тому же Чжао Лои втайне изучал ту пикантную книжицу... Значит, учитель и сам не прочь сделать этот шаг. В какой-то момент он осознал, что страстно желает доставить Чжао Лои удовольствие — увидеть, как на вечно холодном, бесстрастном лице проступают иные, неизведанные эмоции.

— А твоя половинка... знает о твоих чувствах? — тихо спросил Кунью.

Ли Мэн растерялся:

— О каких именно?

— Ну как о каких? Скажи ему прямо: «Хочу, чтобы ты меня взял!» — прыснул Сяо Юй.

Кунью одарил его столь суровым взглядом, что мальчишка лишь недовольно зашуршал

одеждами и задергал воротник:

— Ой, всё, молчу-молчу! Шепчитесь сами, а я пойду вздремну, пока новые гости не нагрянули. Все равно от меня никакого толку.

С этими словами он скрылся за яркой ширмой из разноцветных бусин, и вскоре оттуда донеслось его мерное дыхание.

Ли Мэн облегченно перевел дух и подался ближе к Кунью:

— Так что мне нужно сделать?

— На самом деле слова тут излишни. Когда вы окажетесь наедине в постели, тебе достаточно будет лишь... — Кунью понизил голос до едва различимого шепота.

Ли Мэн слушал его, багровея с каждой секундой. Когда Кунью закончил, парень ошарашенно уставился на него:

— И... и всего-то? Этого правда достаточно?

— Поверь, этого вполне хватит, чтобы разжечь огонь, — мягко заверил его Кунью.

Ли Мэн с трудом сглотнул подступивший к горлу ком и задал самый животрепещущий вопрос, от которого он заметно побледнел:

— А это... очень больно?

— Если твой возлюбленный будет нежен и терпелив, то боли ты почти не почувствуешь. Напротив... — Кунью тоже слегка смутился и отвел глаза. — Как говорят в народе, познавшие «радость союза рыб и воды» находят в этом лишь великое блаженство...

Последние сомнения Ли Мэна наконец рассеялись, уступив место сладостному предвкушению. Заметив, что время уже позднее, он поднялся и лихо хлопнул себя по полам халата, но тут же пошатнулся — выпитое вино дало о себе знать.

— Осторожнее, господин, вы сегодня изволили перебрать, — Кунью заботливо придержал его за локоть.

— Все в порядке, спасибо! — рассмеялся Ли Мэн, мягко высвобождаясь из его рук. — Считайте, вам сегодня крупно повезло со мной. Я уйду потихоньку, а вы можете посидеть здесь и побездельничать до утра.

Кунью покосился на занавеску, за которой скрылся напарник, и негромко произнес:

— Мальчишка еще глуп и упрям. Прошу, не держите на него зла, господин. Жизнь его изрядно потрепала.

Ли Мэн с пониманием кивнул. У него и в мыслях не было презирать этих несчастных, торгующих собой в веселых кварталах. Жизнь — штука сложная, и никто не станет продавать собственное тело от хорошей доли. Тот же Сяо Юй, разбивший голову гостю... Наверняка за этим крылась какая-то горькая история.

Ли Мэн пошарил в кошелье, выудил остатки серебряной крошки и вложил их в ладонь Кунью:

— Возьми. Купи ему каких-нибудь сладостей. Если будет время, я загляну к вам еще раз.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но Кунью негромко окликнул его:

— Пойдите, господин.

— А?

— Возможно, это вам пригодится, — Кунью протянул руку под стол, откуда Ли Мэн ранее выудил нефритовое безобразие, и достал небольшую деревянную шкатулку размером с ладонь.

Ли Мэн с любопытством приоткрыл крышку. Внутри оказалась мягкая, полупрозрачная мазь с очень приятным, нежным ароматом цветов.

— Это... — Кунью замялся, подбирая слова. — Когда дойдет до самого главного, используйте побольше. Так вы убережете себя от лишних ран.

Ли Мэн рассыпался в благодарностях. Раз уж он расспросил обо всем, глупо было отказываться от такого ценного подношения. Разузнав тонкости применения мази, он с довольным видом спрятал коробочку в широкий рукав и покинул павильон.

Добравшись обратно до покоев, где остался Цюй Линьхань, Ли Мэн застал забавную картину. Пипа уже молчала, а девицы обступили несчастного старшего брата со всех сторон, наперебой угощая его вином. Завидев вернувшегося Ли Мэна, Цюй Линьхань едва не разрыдался от облегчения. Он бросился к нему и крепко обнял за плечи:

— Мэн-эр! Ну наконец-то! Еще бы чуть-чуть, и я бы здесь хмелем захлебнулся!

Ли Мэн весело расхохотался. Пригласить-то девиц пригласили, но отпустить их просто так, без

щедрой платы, было невозможно. Цюй Линьхань, судя по всему, не взял с собой ни единой монеты, вот и томился в плену у гостеприимных прелестниц.

Кошель Ли Мэна после всех сегодняшних трат изрядно опустел. Он выгреб самые последние серебряные крохи и раздал их девицам, попросив их пока не уходить: пусть поют, играют или занимаются своими делами, лишь бы снаружи казалось, что в комнате все еще пируют гости.

— Идем, — скомандовал Ли Мэн.

— Куда? — не понял Цюй Линьхань.

— Искать наставника.

Заполучив заветную мазь и выслушав бесценные советы Кунью, Ли Мэн чувствовал, как в груди разгорается нетерпеливый огонь. Ему страстно хотелось поскорее отыскать Чжао Лои. Раз уж учитель привел их в это заведение, значит, у него здесь была назначена важная встреча или нужно было вывести какие-то слухи, и уйти далеко он просто не мог.

— Разве мы не должны ждать его здесь? — озадаченно спросил Цюй Линьхань.

— У меня к нему неотложное, крайне важное дело! — Ли Мэн потянул старшего за рукав к выходу.

Но стоило им подойти к дверям, как те распахнулись, и на пороге возник Чжао Лои.

Ли Мэн невольно шмыгнул носом.

Чжао Лои пристально взгляделся в его покрасневшее, словно от близости раскаленного горна, лицо и ледяным тоном осведомился:

— И что же это за важное дело?

Ли Мэн мгновенно лишился дара речи. Пальцы в широком рукаве судорожно сжали деревянную шкатулку. Он лишь глуповато помотал головой и пролепетал:

— А мы... мы уже возвращаемся?

— Ступайте в поместье, — бесстрастно распорядился Чжао Лои. — Ли Мэн, ты дорогу знаешь, веди старшего брата. И учтите: когда я вернусь, если найду в доме хоть пылинку, завтра все утро будете стоять в стойке мабу. Без поблажек.

Его лицо оставалось суровым и неприступным. Бросив эту фразу, он развернулся, чтобы уйти. Ли Мэн порывался было что-то спросить, но Цюй Линьхань крепко ухватил его за руку, не давая навлечь на их головы еще больший гнев наставника. Прошла лишь секунда, а силуэт Чжао Лои уже растворился в полумраке коридора.

<http://bllate.org/book/18266/1785049>